

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Сладкая Арман

Запретный
ТРОФЕЙ *для* **МАЖОРА**

Сладкая Арман

Запретный трофей для мажора

«Автор»

2026

Сладкая Арман

Запретный трофей для мажора / Сладкая Арман — «Автор»,
2026

Два мира, два закона. Он — золотой мажор, уверенный в своей победе. Она — огонь, бросающая вызов. Их противостояние было обречено вспыхнуть с первой же встречи. Но в самой гуще событий они обнаруживают нечто пугающее и пьянящее — непреодолимое влечение. Что их ждет на границе зарождающейся страсти?

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	15
Глава 5	18
Глава 6	21
Глава 7	23
Глава 8	25
Глава 9	28
Глава 10	31
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Запретный трофей для мажора

Глава 1

Лиза

Воздух в тренировочном зале был густым и тягучим, пахнущим потом, лаком для волос и амбициями. Зеркальная стена, запотевшая снизу от дыхания двадцати девушек, отражала хаотичное мельтешение: взлетающие в такт счету ноги, сведенные от напряжения лица, яркие всплески помпонов. Команда «Ястребы» отработывала новую программу, и каждая мышца в моем теле горела огнем праведным и неправедным одновременно.

– И пять, шесть, семь, восемь! Плие, удар, джамп! Давай, Смирнова, выше колени! Ты что, на параде ветеранов? – мой голос, хриплый от трехчасовой нагрузки, резал воздух, не оставляя места для возражений.

Я сама поймала свой взгляд в зеркале – глаза горят, на щеках нездоровый румянец, собранные в тугой конский хвост темно-каштановые волосы прилипли к вискам. Капитан. Ответственная за все. За синхронность, за настроение, за то, чтобы эти юные мямли не разбежались при первом же намеке на усталость.

– Стоять! – скомандовала я, хлопнув в ладоши. Зал замер, прерывистое дыхание двадцати человек стало единственным звуком. – Это разминка для группы поддержки дома престарелых? Где энергия? Где зубы? Я должна видеть ваши ослепительные, до ушей, улыбки, даже если у вас сводит икроножную! Понятно?

Раздались усталые, но подбострастные «да, Лиза». Я кивнула, давая секунду передохнуть, и потянулась к бутылке с водой. В этот момент тяжелая дверь в зал с грохотом отворилась, впуслав с коридорной прохладой шумную, наглую волну мужского смеха и густой шлейф дорогого парфюма.

Я не обернулась. Не нужно было. Я знала, кто это. По тому, как сразу выпрямились спины у половины моей команды, как заалели щеки и забегали глаза, пытаюсь украдкой ловить отражение в зеркале. По тому, как воздух из густого и рабочего вдруг стал электрическим, наполненным глупым девичьим ожиданием. «Ястребы» мужской сборной по баскетболу. Вершина пищевой цепи в нашем колледже. А во главе стаи – он.

Артем Дронов. Мажор. Красавчик. Баскетболист. Ходячий гормон и притча во языцех.

Они прошли вдоль зала, направляясь к своим раздевалкам, громко переговариваясь, кидая мячи друг другу, абсолютно уверенные в своем праве быть центром вселенной. Мои девочки тут же забыли про усталость. Плечи расправились, грудь вперед, улыбки стали натянуто-кокетливыми. Предательницы. Я нахмурилась, откручивая крышку бутылки.

– Эй, Соколова! – раздался тот самый голос, бархатный, с легкой насмешкой, который у меня за ухом зудел с самого первого курса. – Опять мучаешь свой гарем? Спусти поводок, а то они у тебя сдохнут до домашних игр.

Я медленно, с преувеличенным терпением обернулась.

Он стоял, прислонившись к косяку двери, закинув на плечо свою дизайнерскую спортивную сумку. Высокий, под метр девяносто, с плечами, которые, казалось, не проходили в стандартные дверные проемы. Белая майка обтягивала рельефный пресс, спортивные штаны сидели на нем так, будто только что сошли с подиума. И эта его знаменитая ухмылка – белые, слишком ровные зубы, прищуренные карие глаза, в которых читалось непоколебимое знание простой истины: весь мир вращается вокруг него, Артема Дронова.

Рядом с ним кучковались его прихвостни, включая Макса Белова, квотербека, который смотрел на мою зама, Катю, с таким же глупым обожанием.

– Дронов, – сказала я, делая глоток воды. – Твое мнение о методах моей работы интересно, примерно, как прогноз погоды на Марсе. То есть вообще никак. Иди уже на свою качалку, оставь нас, трудяг, в покое.

Его дружки захихикали, но тут же замолкли под взглядом Артема. Он сделал пару шагов вперед, его взгляд скользнул по мне с головы до ног – оценивающе, медленно, нагло. Я почувствовала, как по спине пробежали мурашки – не от удовольствия, а от чистой ярости. Мое спортивное трико – не дизайнерское, а обычное, из масс-маркета, – внезапно показалось мне до жути неудобным.

– Трудяг? – он фыркнул. – Я вижу двадцать кукол, которые машут мохнатыми шариками. Настоящий труд – это там, – он большим пальцем ткнул в сторону зала с тренажерами. – Пот, сталь, результат. А вы тут... ритмично похлопываете.

Слышно было, как капает вода из крана в душевой. Мои девочки замерли, ожидая моей реакции. Они обожали эти наши перепалки, как обожают смотреть боксерский поединок. Я поставила бутылку на пол, приняла расслабленную позу, скрестив руки на груди.

– Результат? – переспросила я. – Ах да, ты про то, как вы в прошлую субботу продули «Орлам» двадцать очков? Очень впечатляющий результат. Особенно твой коронный бросок в кольцо соперника. Это был такой мощный «пот и сталь». Прямо поэма.

По рядам девочек пронесся сдавленный смешок. Ухмылка на лице Артема дрогнула. Я попала в больное место. Все газеты потом трубили о том провале.

– Лучше продуть, чем всю жизнь стоять на обочине и просто смотреть, как другие играют, – парировал он, но ядовитость в его голосе прибавилась.

– О, не беспокойся, – улыбнулась я во весь рот, включив ту самую «ослепительную улыбку», которую требовала от своих подопечных. – Мы смотрим очень внимательно. И делаем заметки. Например, как ты трешь свои лайки в инстаграме вместо того, чтобы отрабатывать штрафные. Очень познавательно.

Он наклонил голову, и в его глазах мелькнуло что-то новое – не просто раздражение, а любопытство. Как хищник, который увидел, что его привычная добыча вдруг оскалилась.

– Заметки, значит? – он подошел еще ближе. Теперь между нами было не больше метра. Я чувствовала его запах – не только парфюм, а что-то острое, мужское, спортивное. – И много у тебя там, Соколова, заметок про меня? Завела отдельный блокнотик? С сердечками на обложке?

Его дыхание коснулось моего лица. Я не отступила ни на сантиметр, подняв подбородок.

– Дронов, единственное, что я хотела бы завести по отношению к тебе, – это дистанционный шокер. Для поддержания адекватной дистанции. Сердечки не в моем стиле.

Он рассмеялся – коротко, глухо. Его глаза пробежались по моим губам, потом снова встретились с моим взглядом. Напряжение висело между нами почти осязаемой пеленой. Это уже была не просто перепалка. Это был поединок.

– Ладно, красавицы, – наконец сказал он, отводя взгляд и обращаясь ко всей команде, разрывая заколдованный круг. – Не загоняйте себя. У вас и так мозгов не густо, последние потратите на синхронность.

Он повернулся и, не оглядываясь, пошел к своей раздевалке, его стая тут же ринулась за ним. Дверь захлопнулась. Воздух снова стал просто воздухом, пахнущим потом и усталостью. Я выдохнула, не осознавая, что задерживала дыхание.

– Об-ра-ти-и-и-и-и-ил на тебя внимание-е-е-е, – пропела Катя, подбегая ко мне и хватая за локоть. Ее глаза сияли как два прожектора. – Лиза, он смотрел на тебя как... как голодный!

– Он смотрел на меня как на очередной трофей, который пока не дается в руки, – отрезала я, резко отворачиваясь к зеркалу. Мое сердце все еще бешено колотилось где-то в горле. Глупость. Чистой воды адреналин от стычки. – И хватит это обсуждать. Всем собраться!

Программа с начала, с перового джампера! И чтобы я видела не влюбленных кисок, а спортсменов! Понятно?

Хор уставших «понятно» прозвучал уже без прежнего энтузиазма. Девочки вставали в позиции, перешептываясь и бросая на меня взгляды.

Я поймала свое отражение. Лицо все еще горело. Я ненавидела его. Ненавидела его наглую уверенность, его привилегии, купленные папиными деньгами, его способность одним лишь появлением сбивать весь мой настрой и выводить меня из себя. Я была здесь, чтобы заработать себе стипендию, пробиться в жизни, а не чтобы участвовать в его дурацких играх. Но больше всего я ненавидела себя за то, что внутри все еще мелко дрожало. Не от страха. От чего-то другого. Острого, колкого, опасного. Я глубоко вдохнула и крикнула, заглушая собственные мысли:

–И пять, шесть, семь, восемь! С силой! С улыбкой! Давайте, ястребы! Покажем им, кто король на этой арене!

И двадцать девушек рванули за мной в прыжке, отдаваясь движению, а я вела их, стараясь не думать о карих глазах, которые, казалось, все еще жгли мне спину.

Глава 2

Артем

Ледяная вода из душа обжигала кожу, смывая липкую пленку пота и адреналина после тренировки. Я стоял, уперевшись руками в кафельную стену, и позволял струям барабанить по затылку и напряженным плечам. Обычно после занятий я чувствовал кайф – приятную усталость, удовлетворение от отработанной программы. Сегодня же внутри все клокотало, будто я проглотил улей.

Соколова. Чертова Соколова. В голове снова и снова проигрывался тот момент в зале. Ее колкие, точно отточенные кинжалы, фразы. Ее глаза – серые, холодные, без тени подобострастия или того глупого блеска, который я видел у девятидесяти девяти процентов окружающих меня девушек. В них было только чистое, неподдельное презрение. И вызов. «...твой коронный бросок в кольцо соперника...»

Я с силой стукнул кулаком по мокрой плитке. Глупо. Непрофессионально. Та ошибка на последней секунде матча с «Орлами» была моим личным проклятием. Папа уже высказал все, что думает по этому поводу – холодным, разъедающим душу тоном, от которого кровь стыла в жилах. «Недоработка, Артем. Неоправданная слабость. Дроновы не проигрывают. Ни в чем». А эта... эта чирлидерша в дешевом трико посмела ткнуть меня в это носом. При всех.

Дверь в душевую распахнулась, впуслав клубы пара и громогласный голос Макса.

– Тема, ты там не растворился? Давай быстрее, народ ждет! Сегодня отмечаем новую программу у Белова на яхте! Там уже, говорят, такой состав девочек...

Он замолчал, увидев мое выражение лица. Я выключил воду и резким движением накинул на бедра полотенце.

– Что с тобой? – Макс прислонился к косяку, точь-в-точь как я пару часов назад в зале у них. – Вид, будто тебе только что объявили, что весь твой крипто-портфель ушел в ноль.

– Да так. Задолбали, – буркнул я, проходя мимо него в раздевалку.

Пространство было заполнено густым мужским смехом, хлопаньем шкафчиков, запахом геля для душа и дорогого дезодоранта. Мои ребята. Команда. Лучшие из лучших в этом городе. Они болтали, хвастались будущими подвигами на вечеринке, делились новостями. Обычно их энергия заряжала меня. Сегодня она действовала на нервы.

– Эй, Дронов! – крикнул наш разыгрывающий, Колян, закидывая в рюкзак кроссовки. – Ты сегодня в ударе был! Тот блок-шот просто аплодисментов стоил. Жаль, Соколовой не видно было из-за зеркала, а то бы она свои язвительные комментарии придержала.

Все засмеялись. Кто-то присвистнул.

– Да она просто злая от того, что ты на ее внимание не клюешь, Тема, – вставил еще один. – Непорядок. Бьет по самолюбию.

Я резко захлопнул дверцу своего шкафчика. Звон металла заставил всех на секунду замолчать.

– Вы вообще о чем? – мой голос прозвучал резче, чем я планировал. – У меня есть дела поважнее, чем думать о какой-то злой карге с помпонами. Она никто. Ноль. Пусть себе треплется со своими подружками-куклами.

В раздевалке повисла неловкая тишина. Все переглядывались. Я поймал взгляд Макса – он смотрел на меня с легким удивлением и пониманием. Он один знал, как я на самом деле завелся после той стычки.

– Ладно, ладно, забейте, – Макс хлопнул в ладоши, разряжая обстановку. – Гоу собираться. На яхте уже все есть. И кто-то обещал привезти тот самый виски, из Шотландии, с торпедного катера? Это правда?

Тема плавно сменилась, ребята снова загомонили, обсуждая алкоголь, девочек и музыку. Я быстро натянул черные брюки от известного бренда, простую белую хлопковую майку, накинул на себя мягкий кашемировый джемпер, закинув концы на плечи. Дезодорант, часы – тяжелые, холодные, привычные на запястье. Маска идеального сынка и наследника была надета.

Мы вывалились на улицу. Вечер был прохладным, над мостовой зажигались фонари. У главного входа колледжа уже толпился народ, ожидая такси или своих водителей. И конечно, там были они. Группа чирлидеров, уже переодетых в гражданку – короткие юбки, куртки-косухи, смех. И среди них – она. Соколова. Стояла чуть в стороне, засунув руки в карманы кожаной куртки, что-то говоря своей зам, Кате. Она улыбалась, и эта улыбка была такой... настоящей. Не той вымученной, которую она клеивала на тренировке, а легкой, чуть насмешливой. Она кивнула на что-то и откинула голову назад, и луч света упал на ее шею. Что-то в груди у меня сжалось. Глупо. Совершенно идиотски.

Наше такси – черный внедорожник с тонированными стеклами – подъехало к бордюру. Ребята начали забираться внутрь, шумно обсуждая маршрут.

– Артем, запрыгивай! – крикнул Макс, уже сидя внутри.

Я сделал шаг к машине, но потом остановился. Не думая, на автомате, повернулся и направился к группе девушек. Их смех стих, когда я приблизился. Все взгляды устремились на меня. Кроме одного. Она продолжала смотреть куда-то в сторону, делая вид, что не замечает моего приближения.

– Девочки, – сказал я, одаривая их своей самой обаятельной, продающей улыбкой. – Отлично выглядите. Отдыхаете после подвигов?

Посыпались хихиканья, ответные кокетливые взгляды. Катя аж подпрыгнула.

– Артем, привет! Да вот, решаем, куда бы двинуть... скромно так, посидеть.

– Скромно – это не про нас, – вставил я, и они снова засмеялись. – Мы как раз на яхту к Максиму. Места много. Состав топовый. Заскакивайте, если что.

Я видел, как у них загорелись глаза. Приглашение на яхту Белова – это пропуск в самый закрытый круг. Почти все сразу же начали лихорадочно доставать телефоны, чтобы отписать родителям или отменить другие планы. Все, кроме одной. Она наконец повернула ко мне голову. Ее лицо было абсолютно спокойным.

– Спасибо, конечно, за шикарное предложение, – сказала она, и в ее голосе не было ни капли подбострастия. – Но у нас свои планы. Нас ждут... люди, с которым интересно говорить.

Тишина. Хихиканье мгновенно прекратилось. Ее подруги смотрели на нее с ужасом и восхищением одновременно. Моя улыбка не дрогнула, но внутри все похолодело. Она снова. Снова это делает.

– О? – я поднял бровь. – Это те самые интеллектуалы, которые учат вас новым поддержкам? Или философы, специализирующиеся на стэп-танце?

– Нет, – парировала она паузу. – Это как раз те, кто не меряет значимость вечера ценником на бутылке и метражом яхты. Дико, да? Есть и такие.

Одна из ее подруг тихо ахнула. Я чувствовал, как на меня смотрят не только они, но и мои ребята из машины. Наслаждаются шоу. Я сделал шаг вперед, сократив дистанцию до минимума. Она не отпрянула. Ее серые глаза смотрели прямо на меня, без страха.

– Знаешь, Соколова, – сказал я тихо, так, чтобы слышали только мы и Катя, стоявшая рядом с остекленевшим лицом. – Твое упрямство сначала было забавным. Сейчас стало напоминать дурной запах изо рта. Ты его не чувствуешь, но окружающим неприятно.

Ее глаза сузились. Над верхней губой выступила испарина. Я почувствовал дикое, животное удовлетворение.

– А твоя навязчивость, Дронов, – она не повысила голос, но каждое слово било точно в цель, – Напоминает поведение комнатной собачки, которой кинули палку, а она не может понять, что с ней делать. Только скулит и прыгает вокруг. Надоед.

Я засмеялся. Искренне, громко. Это было великолепно. Она была великолепна в своей наглости.

– Ладно, не хочешь – как хочешь, – развел я руками, отступая и снова включая режим «всеобщего любимчика». – Девочки, предложение в силе. Катя, надеюсь, ты разумнее своего капитана.

Я повернулся и пошел к машине, спиной чувствуя ее взгляд. Он буквально прожигал меня насквозь.

В салоне царило веселье. Ребята хлопали меня по плечу, кричали «обалдеть!», «ну ты ее!». Макс, сидя рядом на заднем сиденье, смотрел на меня изучающе.

– Ну и зачем ты полез? – тихо спросил он, когда машина тронулась. – Знаешь же, что она тебя на дистанцию не подпускает. Самолюбие тешишь?

Я смотрел в окно на уплывающие назад огни города. На ее холодные глаза. На ее упрямый подбородок.

– Она не как все, – сказал я не думая.

Макс фыркнул.

– Да все они «не как все», пока не попадут в твою постель. Потом оказываются точно такими же.

– Нет. Она другая.

– Ты что, серьезно? – Макс повернулся ко мне, его лицо выражало полное непонимание. – Эта... злюка? У которой вместо сердца счетчик калорий? Тема, да оглянись! – он махнул рукой на девочек в салоне, которые уже вовсю фоткались. – Здесь полная машина тех, кто мечтает о твоём внимании. Красивых, веселых, доступных. А ты заиклился на той, что тебя в грош не ставит. Это уже даже не клиника. Это мазохизм.

Я не ответил. Просто продолжил смотреть в окно. Он не понимал. Никто не понимал. Она была вызовом. Самой сложной, самой желанной победой в моей жизни. И я привык побеждать. Всегда.

Я достал телефон. Проллистал общие чаты, нашел тот, где были чирлидерши. Нашел ее контакт. «Лиза Соколова». Фотография аватарки – какая-то старая, она там смеется, запрокинув голову. На удивление, мило. Открыл наш чат. Он был пуст. Мы никогда не переписывались. Пальцы сами собой вывели сообщение: «Надоел, значит? Интересно, что нужно сделать, чтобы заинтересовать? Сломать ногу на тренировке? Устроить скандал с лишением стипендии? Или просто предложить нечто по-настоящему стоящее?». Посмотрел на текст. Стер его. Это выглядело отчаянно. Почти жалко. Вместо этого я написал другое. Короткое. Простое. Как удар кинжалом. «Признайся. Ты специально злишь меня, чтобы я на тебя обратил внимание. Получилось. Довольна?».

Я отправил. И почти сразу же увидел три точки, означающие, что она печатает ответ. Сердце странно екнуло. Ожидание. Адреналин, сравнимый с выходом на финальную игру. Ее ответ пришел через несколько секунд. «Дронов, единственное, чего я хочу от тебя, – это чтобы ты исчез из моего поля зрения. Идеально – навсегда. Рассчитываю на твое благоразумие».

Я рассмеялся. Снова. Черт возьми. Показал телефон Макс. Тот прочитал, покачал головой и свистнул.

– Ну ты и упертый, брат. С ней тебе точно светит либо большая жопа, либо нервный срыв.

– Или то и другое сразу, – ухмыльнулся я, убирая телефон. – Но игра стоит свеч.

Яхта, музыка, девочки, виски – все это вдруг стало казаться до жути скучным и предсказуемым. Одна мысль о том, чтобы провести вечер, слушая их пустой смех и отвечая на их плоские флирты, вызвала тошноту. В голове крутилась только одна мысль. Одна цель. Я ее ломаю. Я заставлю ее смотреть на меня не с презрением, а с тем же огнем, что и я на нее. Я добьюсь ее. Во что бы то ни стало. Я не собирался проигрывать.

Глава 3

Лиза

Вечер должен был быть идеальным. Так я и планировала. Уютная пиццерия с Катей и парой девчонок из команды, где можно наконец-то расслабиться, говорить о своем, жаловаться на мозоли и заученные до дыр движения, смеяться над глупостями. Никаких мажоров, никакой показухи, никакого Дронова. План рухнул в момент, когда его черный внедорожник исчез за поворотом, увозя его королевскую особу и его придворных шутов. Воздух снова стал нашим, но его ядовитый след остался. Мои девочки не говорили ни о чем другом.

– Ты просто не представляешь, Лиза! Он такой... прямой! – вздыхала Машка, размазывая сыр моцареллу по тарелке. Ее глаза блестели как два золотых кругляша. – Пригласил лично! На яхту! Это же уровень!

– Уровень истерички, да, – буркнула я, отламывая кусок от своей «Четыре сыра». Аппетит напрочь пропал. – Маш, он пригласил не тебя лично. Он бросил клич в толпу, как кидают кость собаке. И вы все дружно побежали, виляя хвостами.

За столом повисла неловкая пауза. Катя под столом пнула меня ногой.

– Ну, Лиза... – начала она, но я ее перебила.

– Что «ну»? Он же даже не запомнил твое имя! «Девочки», «красавицы»... Это унизи-тельно.

– Но он запомнил твое, – тихо, но очень четко сказала Света, самая тихая из нашей команды. Она смотрела на меня не с упреком, а с каким-то странным любопытством. – Он обращался только к тебе. По фамилии. Вы как будто в своем собственном мире там стояли.

По спине пробежали противные мурашки. Она заметила. Все заметили этот дурацкий, наэлектризованный пузырь, который возник между нами на тротуаре. Этот взгляд. Этот тихий, опасный шепот.

– Он обращался ко мне, потому что я единственная, кто не падает в обморок от его внимания, – отрезала я, отпивая глоток колы. Она была теплой и противно сладкой. – Для него это вызов. Как новая игрушка, которая не хочет заводиться. Как только он добьется своего, интерес пропадет. И вы все это знаете.

– А может, он просто наконец встретил девушку, которая заставляет его попотеть? – не унималась Машка. – Это же романтично! Как в фильмах! Принц и строптивница!

Я фыркнула так, что чуть не поперхнулась.

– Принц? Маш, он не принц. Он испорченный, избалованный ребенок в теле взрослого мужчины, который покупает все, что захочет. И я не намерена становиться очередной его покупкой. Точка.

Я сказала это резко, почти зло. Чтобы убедить их. Чтобы убедить в первую очередь себя. Потому что внутри все еще колотилось и горело от того взгляда. От того, как он подошел близко. От запаха его дорогого парфюма, смешанного с потом. Чтобы заглушить это, я полезла в карман за телефоном. И тут же пожалела. Экран светился уведомлением о новом сообщении. В мессенджере. От него.

«Признайся. Ты специально злишь меня, чтобы я на тебя обратил внимание. Получилось. Довольна?».

Кровь ударила в голову. Я чуть не выронила трубку. Наглость этого человека не знала границ! Он что, действительно считал, что весь мир крутится вокруг его персоны? Что каждая моя насмешка – это крик о его внимании?

Пальцы сами собой задрожали от ярости. Я быстро пробила ответ, едва попадая по клавишам.

«Дронов, единственное, чего я хочу от тебя, – это чтобы ты исчез из моего поля зрения. Идеально – навсегда. Рассчитываю на твое благоразумие».

Отправила. И сразу же положила телефон экраном вниз на стол, как раскаленный уголь. Сердце бешено колотилось. Глупо. Совершенно идиотски.

– Лиза, с тобой все ок? – Катя наклонилась ко мне, ее лицо выражало беспокойство. – Ты вся красная.

– Да ничего, – буркнула я, снова хватая стакан с колой. Рука дрожала. – Просто... вспомнила его наглую рожу. Нервы не выдерживают.

Телефон под столом завибрировал. Один раз. Коротко. Он ответил. Мне стало физически плохо. Что он мог еще написать? Какую гадость? Я не выдержала. Под предлогом того, что нужно в туалет, я схватила телефон и почти побежала вглубь заведения, оставив недоумевающих подруг. Укрывшись в кабинке, я прислонилась лбом к прохладной двери и открыла сообщение.

«Благоразумие – не моя сильная сторона. А вот настойчивость – да. Удачи в попытках меня не замечать. У тебя не получится.»

Я застонала. Тихо, от бессилия. Он не отстанет. Он воспринял это как игру.

Мне хотелось написать ему что-то длинное, язвительное, уничтожающее. Разнести его самомнение в пух и прах. Но слова не шли. В голове была каша из гнева, раздражения и... чего-то еще. Какого-то щемящего, опасного любопытства. Вместо этого я вышла из чата и заблокировала его номер. Детский поступок. Бесполезный – мы учимся в одном колледже, мы постоянно пересекаемся. Но это дало мне призрачное ощущение контроля. Я отрезала его от себя. Взяла тайм-аут. Сделав глубокий вдох, я вышла из туалета, пытаюсь изобразить на лице невозмутимость.

Вечер был безнадежно испорчен. Я улыбалась шуткам, кивала, но сама не слышала, о чем говорю. Мысли были там, в телефоне, с его сообщениями, которые жгли карман.

Когда мы, наконец, распрощались и я пошла к остановке, тишина и одиночество навалились на меня всей своей тяжестью. Город шумел вокруг, мигали неоновые вывески, проносились машины. А я чувствовала себя как в аквариуме – отрезанной от всего этого шума и суеты, в полной тишине собственных мыслей.

Он был прав в одном. Не замечать его было невозможно. Он был слишком яркий, слишком громкий, слишком вездесущий. Он был как граната, брошенная в стоячее болото моей размеренной жизни.

Дома меня ждала рутина, которая обычно успокаивала: душ, маска для волос, планирование тренировок на завтра. Но сегодня ничто не помогало. Я ворочалась в кровати, а перед глазами стояло его самодовольное лицо. Его ухмылка. Его слова: «У тебя не получится».

Он думал, что может сломать меня? Своими деньгами, своей наглостью, своим статусом? Он думал, я такая же, как все эти куклы, которые готовы распластаться у его ног за пару ласковых взглядов?

Яростное, жгучее желание доказать ему, что он ошибается, заполнило меня изнутри. Да, он обратил на меня внимание. Но не так, как он думает. Не как на объект вожделения. А как на противника. Достойного противника. И я собиралась выиграть эту войну.

План созрел мгновенно, ясно и холодно. Я не буду убегать. Не буду прятаться и игнорировать. Это только разожжет его азарт. Я буду делать то, что делала всегда. Быть лучше. На тренировках, на учебе, везде. Я буду сиять так ярко, что его наглая ухмылка померкнет рядом со мной. Он будет смотреть на меня и понимать, что все его деньги, все его связи не могут купить то, что есть у меня – упорство, талант и настоящую, не купленную силу. С этим решением наконец пришло спокойствие.

Утро началось с дождя. Холодного, осеннего, назойливого. Он соответствовал моему настроению – собранному, решительному, без единой ноты легкомыслия.

Я пришла на тренировку первой, как обычно. Зал был пуст и тих, пахло чистящим средством и остывшим потом вчерашнего дня. Начала разминку одна, под мерный стук капель по стеклянной крыше. Каждое движение было выверенным, точным, наполненным новым смыслом. Я больше не просто отрабатывала программу. Я готовилась к битве. Постепенно подтянулись и остальные. Вид у них был помятый, некоторые прятали глаза. Яхта Белова, судя по всему, дала о себе знать.

– Ну как, девочки? – спросила я, не прекращая тянуть мышцу бедра. Голос прозвучал ровно, без упрека. – Понравилось царство мажоров?

Катя, бледная и с темными кругами под глазами, только мотнула головой.

– Было... громко. И много пафоса. И Дронов весь вечер просидел в углу с телефоном, хмурый, как туча. Испортил всем настроение.

Что-то внутри меня екнуло – маленькая, гадкая искорка удовлетворения. Значит, мой блокировщик сработал. Он не смог написать еще. Он сидел и злился. Отлично.

– Жаль, что испортил, – сказала я без тени сожаления. – Ну что, красотки, отрывались вчера, теперь отрабатываем. Вся программа, с начала до конца. И чтобы я видела огонь в глазах, а не похмелье. Понятно?

Они застонали, но застроились в шеренги. Они боялись меня больше, чем похмелья. Как раз то, что нужно.

Тренировка была жесткой, даже жестокой. Я выжимала из них все соки, не давая ни секунды на передышку. Я кричала, требовала, заставляла повторять снова и снова. Я сама работала на износ, пока мышцы не горели огнем, а в горле не пересыхало. Я должна была быть безупречной. И моя команда – тоже. И вот, когда мы уже заканчивали, дверь в зал снова открылась. На пороге стояла баскетбольная братва. Во главе с ним.

Он выглядел... иначе. Не помятым, как мои девочки, а собранным. Сосредоточенным. Его взгляд сразу нашел меня в зале, будто у него был встроенный радар. И в его глазах не было вчерашней насмешки. Был холодный интерес. Я сделала вид, что не заметила его, и скомандовала девчонкам на растяжку.

Он не пошел в раздевалку. Прислонился к стене и стал смотреть. Просто смотреть. На меня. Его ребята перешептывались, хихикали, но он не обращал на них внимания. Это было в тысячу раз хуже, чем его колкости. Эта тишина. Этот неотрывный, тяжелый взгляд. Он чувствовал мое решение. И принимал вызов.

Я чувствовала его взгляд на каждой клеточке своей кожи. Когда я наклонялась, когда поднимала руки, когда поправляла резинку на волосах. Это сводило с ума. Но я не подала виду. Я улыбалась своим девочкам, шутила, показывала движения. Я была солнцем, уверенным в себе капитаном, идиллией командного духа. А внутри все замирало и сжималось в комок. Он наблюдал за мной, как хищник за дичью. Выжидая. Высчитывая.

Когда мы закончили и стали собирать вещи, он наконец оттолкнулся от стены и медленно пошел в мою сторону. Разговор в зале затих. Все замерли, ожидая продолжения вчерашнего спектакля.

Он остановился передо мной. Совсем близко. Снова.

– Заблокировала? – тихо спросил он. Так, чтобы слышала только я.

Я подняла на него глаза, изобразив легкое недоумение.

– Прости, я с тобой не разговариваю. У меня есть правило – не общаться с теми, кто меня бесит. Это экономит кучу времени и нервных клеток.

Уголки его губ дрогнули. Ему понравилось.

– Правила существуют, чтобы их нарушать, Соколова.

– Только если ты мажорный сопляк, который думает, что ему все можно, – парировала я, накидывая на плечи куртку.

Он засмеялся. Коротко, беззвучно.

–Ладно. Играем в молчанку. Посмотрим, как долго ты выдержишься.

Он повернулся и пошел к своим. Но прежде, чем уйти, обернулся и бросил на прощание, уже громко, на весь зал:

–Кстати, отличная работа сегодня. Видно, что капитану не все равно. Респект.

И ушел. Оставив меня в полной прострации и под оглушительный гул недоумевающих взглядов моей команды.

Это был гениальный ход. Он не полез в конфронтацию. Он похвалил меня. Публично. Сделал вид, что вчерашнего разговора и не было. Он выбил у меня почву из-под ног. Я стояла, сжимая ремешок своей спортивной сумки.

Он был хорош. Чертовски хорош. Но я была лучше. Я выпрямила спину, посмотрела на своих девчонок и сказала абсолютно спокойно:

–Что уставились? Собрались и на пары. Кто опоздает – завтра десять дополнительных джампов.

Я вышла из зала первой, с высоко поднятой головой, чувствуя на спине его взгляд, который, казалось, преследовал меня даже сквозь стены. Он думал, что может сломать меня комплиментами? Сделать своим союзником? Нет, мой милый мажор. Ты только что объявил войну. И я принимаю твой вызов.

Глава 4

Артем

Дождь стучал по тонированному стеклу лимузина. Я откинулся на кожаном сиденье, смартфон тяжело лежал в руке. Экран был темным. Молчал. Как и ее проклятый чат, в котором красовался одинокий, наглый синий шеврон отправленного сообщения и ни слова в ответ.

Она меня заблокировала. Эта мысль вызвала не ярость, а нечто новое, щемящее и неприятное. Как заноза под ногтем. Маленькое, но невыносимое унижение. Никто. Никто никогда не делал так со мной. Девчонки умоляли о внимании, ловили каждый взгляд, сохраняли каждое сообщение. А эта... эта стерва в дешевых лосинах просто взяла и отрезала меня. Как что-то ненужное. «Рассчитываю на твое благоразумие».

Благоразумие. Отец постоянно твердил о благоразумии. О выгодных связях, о правильном имидже, о том, чтобы не выносить сор из избы. Вся моя жизнь была расписана по полочкам, как этот лимузин – дорого, комфортно и до тошноты предсказуемо. А она была непредсказуемой. Как дикая кошка. шипит, царапается, и от этого кровь стучит в висках в сто раз сильнее, чем от подобострастной улыбки какой-нибудь Софии.

София. Я поморщился. Ее сообщение с напоминанием о благотворительном приеме в пятницу все еще висело в общем чату. Ее намеки, ее притворная забота. «Артем, папа будет там, и его партнеры. Ты же понимаешь, как это важно? Не подведи».

Подвести. Быть марионеткой. Улыбаться, пожимать руки, делать вид, что мы идеальная пара для соцсетей. Иногда мне казалось, что я сдуваю пыль с собственного лица, возвращаясь с таких мероприятий.

Я потянулся к мини-бару, налил виски в тяжелый хрустальный стакан. Алкоголь обжег горло, но не принес желанного забвения. Только подстегнул воображение.

Вспомнил, как она выглядела сегодня утром в зале. Вся взъерошенная, сосредоточенная, с капельками пота на шее. Тонкая, но сильная спина, проступающая сквозь мокрую от пота майку. Тонкая талия, которую так и хотелось обхватить, чтобы почувствовать, вся ли она такая хрупкая. А эти ноги... Длинные, мускулистые, в обтягивающих лосинах, которые оставляли так мало для воображения. Я представлял, как медленно стягиваю их с нее, обнажая упругую кожу бедер, как мои пальцы впиваются в ее мышцы, все еще горячие и дрожащие после тренировки.

Мой взгляд ловил каждое ее движение. Как она наклонялась, и вырез майки приоткрывал тень между грудями. Как она закидывала голову назад, обнажая уязвимую, бьющуюся точку на шее. Мне хотелось прижаться к ней губами именно там, почувствовать ее пульс на своем языке, услышать, как ее ровное, командирское дыхание собьется и превратится в прерывистый стон.

Черт. Я поправил брюки, чувствуя, как нарастает знакомое, тупое напряжение в паху. Она сводила меня с ума. Не только своим дерзким характером, но и своим телом. Каждым его изгибом, каждой напряженной мышцей. Это было животное, примитивное желание – прижать ее к мату, заставить замолчать ее колкий ротик своим поцелуем, доказать ей не словами, а телом, кто здесь главный. Снять с нее всю эту броню упрямства и услышать, как она скулит от удовольствия подо мной.

Но это было бы слишком просто. Слишком обыденно. С ней... с ней все было иначе. Это был не просто секс. Это была охота. Самый сложный и потому самый желанный трофей в моей жизни.

Я понимал, что стандартные приемы не работают. Цветы, подарки, приглашения в клубы – все это она высмеяла бы и швырнула мне в лицо. Ей нужно было другое. Вызов. Равный противник.

И я решил дать ей его.

Мой план созрел в ту самую секунду, когда я увидел ее сегодня – собранную, холодную, абсолютно на меня не смотрящую. Она решила игнорировать? Прекрасно. Я буду присутствовать. Постоянно. Навязчиво. Но не как преследователь, а как... ценитель. Как равный.

Комплимент в конце был гениален, даже если я сам это говорю. Я видел, как она напряглась, как в ее глазах мелькнуло недоумение и ярость. Она ждала нападения. А я дал ей неожиданный союзник. Это вывело ее из равновесия. И видеть это, видеть, как трескается ее ледяная маска, было лучше, чем любой поцелуй.

Машина плавно остановилась у моего дома. Водитель открыл дверь, но я не сразу вышел, допивая виски.

– Завтра утром, в семь, – бросил я ему, выходя под дождь.

– В семь, Артем Викторович? – удивился он. Обычно в это время я только заваливался спать после ночных гулянок.

– В семь, – подтвердил я, не оборачиваясь. – В колледж.

Мне нужно было быть там. Видеть ее. Снова словить этот взгляд. Подпитывать эту странную, новую энергию, которая будила во мне что-то давно забытое – азарт, желание быть лучше, быстрее, сильнее. Не для отца. Не для тренера. Для себя. И... для нее.

Квартира встретила меня гробовой тишиной и стерильным блеском хай-тека. Все было идеально, холодно и бездушно. Как моя жизнь до нее.

Я сбросил куртку на диван, прошел к тренажеру, что стоял у огромного окна с видом на ночной город. Обычно я занимался по расписанию, под присмотром тренера. Сегодня мне нужно было сбросить напряжение. Это адреналин, эта ярость, это желание.

Я начал жать штангу, с каждым движением представляя ее лицо. Ее насмешку. Ее презрение. Жим. Толчок. Ее упрямый подбородок. Ее гибкое тело, изгибающееся в сложной поддержке. Пот заливал глаза, мышцы горели огнем, дыхание сбивалось. Я довел себя до изнеможения, до той прекрасной пустоты, когда в голове не остается никаких мыслей. Но даже тогда, стоя под ледяным душем, я чувствовал ее. Как навязчивую мелодию. Как запах, который невозможно вывести.

Я вышел из душа, накинул халат и взял с тумбочки запасной телефон – простой, безликий, купленный для определенных целей, чтобы не светить свой основной номер. На него была заведена новая SIM-карта.

Я набрал номер. Не ее. Номер Кати, ее зама. Та самая, что смотрела на меня как на бога.

Она ответила почти сразу, сонным, взволнованным голосом.

– Алло? Артем? Это ты?

– Привет, Катя, – сказал я, делая свой голос томным и чуть усталым. – Не спишь? Извини, что поздно.

– Нет, нет, все ок! – она прочищала горло, пытаясь звучать бодрее. – Что случилось?

– Да так... Хотел извиниться за вчерашнее. На яхте. Я был не в духе, мог кого-то случайно задеть. Вы не обиделись?

– О боже, нет! Что ты! Все было супер! – она затараторила. – Мы все тебя прекрасно понимаем! У всех бывает плохое настроение.

Вот же. Все меня «понимали». Всегда. Это было так тошнотворно.

– Спасибо, что понимаешь, – я позволил голосу дрогнуть, сделав его уязвимым. Пауза. – Слушай, Катя... Я тут подумал. Насчет команды. Вы и правда сегодня отлично выглядели. И... я, может, погорячился с некоторыми словами ранее.

– Да ладно, забей! – она просто кипела от восторга.

– Видишь ли... У меня есть предложение. Деловое. – Я сделал еще одну паузу, давая ей проглотить наживку. – Мой отец спонсирует тот самый благотворительный прием в пятницу. Там будет много важных людей, СМИ. Им нужно яркое, энергичное открытие. Я подумал...

а почему бы вашей команде не выступить? Это была бы отличная реклама для вас. И для колледжа.

Я почти слышал, как трещат ее мозги от перегрузки.

– Выступить? На приеме Дроновых? – она прошептала, будто боялась спугнуть удачу. – Лиза... она же...

– Я поговорю с организаторами по поводу гонорара, конечно, – быстро сказал я, обходя имя Соколовой. – И насчет официального благодарственного письма на имя команды от фонда. Это хорошо выглядит в портфолио. Для стипендий, например.

Я знал, куда бить. Стипендии были для них всем.

– Боже, Артем... Это... это же нереально! Конечно, ДА! Я обязательно поговорю с Лизой! Она не сможет отказаться, это же шанс!

– Отлично, – я улыбнулся в трубку. Ход был сделан. – Но, Катя... Давай пока без Лизы, а? Я хочу сделать это сюрпризом. Подготовить все документы, а потом уже официально предложить. Чтобы не слезить. Ты же понимаешь?

– Конечно! Молчок! – она зашептала. – Я все понимаю!

– Супер. И... спасибо, что выслушала.

Я положил трубку. Рука дрожала от возбуждения. Да, это был гениальный план. Она не сможет отказаться – это будет предательством по отношению к команде, к их общему успеху. Она будет обязана прийти. Ко мне на территорию. И она будет обязана быть рядом со мной весь вечер.

Я представил ее там. В каком-нибудь элегантном, но скромном платье, среди блеска и пафоса, который она так ненавидела. Напряженную, красивую, яростную. Мою дикарку в золотой клетке.

И тогда... тогда я сделаю свой ход.

Я подошел к окну. Дождь почти прекратился, город сверкал миллионами огней. Я чувствовал себя его королем. Всесильным и непобедимым. Она думала, что может игнорировать меня? Заблокировать? Посмотрим, как она будет игнорировать меня, когда ее карьера и будущее ее команды будут зависеть от моего расположения. Я был уверен в своей победе. Оставалось только ждать пятницы.

Глава 5

Лиза

Мои девочки переодевались молча, избегая моих глаз. После вчерашнего провала на яхте и сегодняшней изматывающей тренировки настроение было на нуле. Я сама его и создала, выжимая из них все соки, пытаюсь загнать куда подальше собственное раздражение и навязчивые мысли о Дронове. И тут дверь распахнулась, и в раздевалку ворвалась Катя. Не вошла – именно ворвалась, с лицом, сияющим как новогодняя елка, и глазами, круглыми от переизбытка счастья.

– Девочки! – выдохнула она, задышав, будто пробежала стометровку. – У меня новость! Новость всей нашей жизни!

Все замерли, застигнутые врасплох ее энергией. Я медленно застегивала джинсы, скептически подняв бровь.

– Кать, если ты сейчас скажешь, что Дронов лично пригласил нас всех на частный остров, я тебя придушу своим помпоном.

– Еще лучше! – выпалила она, не обращая внимания на мой сарказм. Она вскочила на скамейку, как на трибуну. – Внимание! В эту пятницу – благотворительный прием фонда Дронова! И знаете, кто будет там выступать с открывающим номером? – она сделала драматическую паузу, оглядывая нашу ошарашенную публику. Ее взгляд сиял триумфом. – Мы!

В раздевалке повисла мертвая тишина. Потом ее разорвал нестройный визг. Девочки бросились к Кате, засыпая ее вопросами, обнимая, трясая за плечи.

– Ты серьезно?!

– Прием Дроновых? Это же...

– Нас увидят все! Все СМИ!

– Катя, ты гений!

Я стояла как вкопанная, чувствуя, как леденеет кровь в жилах. Это не могло быть правдой. Это была какая-то шутка. Дурной вкус.

– Стойте! – крикнула я, и мой голос, резкий и холодный, прорезал всеобщее ликование. Все замолкли, обернувшись ко мне. – Катя. Откуда эта информация? Кто тебе это сказал?

Катя спрыгнула со скамейки, ее лицо все еще пылало.

– Сам Артем! Звонил мне вчера поздно вечером! Лично! Говорит, мы так его впечатлили вчера на тренировке, что он поговорил с отцом и организаторами! Это же огромный шанс для нас, Лиза! Представь – нас увидят спонсоры, ректорат! Это ж можно будет просить увеличение финансирования, новые костюмы! И гонорар будет! И благодарственное письмо от фонда для наших портфолио!

Каждое ее слово было как удар хлыста. «Сам Артем». «Звонил поздно вечером». «Лично». Он обошел меня. Сделал вид, что я не существую, и пошел на слабое звено. На Катю, которая готова была продать душу за его внимание. Он знал, что она не сможет отказаться. И знал, что она проигнорирует любые мои возражения, ослепленная блеском «вечера всей жизни».

– Нет, – сказала я тихо, но так, что было слышно каждое слово.

Веселье в раздевалке мгновенно утихло. Все смотрели на меня с недоумением и растущим разочарованием.

– Что... «нет»? – не поняла Катя, ее улыбка медленно сползала с лица.

– Я сказала, нет. Мы не идем. Это ловушка.

– Какая еще ловушка? – взорвалась Катя. – Это шанс! Единственный и неповторимый! Ты что, с ума сошла от своих тренировок? Ты хочешь лишить нас этого?

– Он использует тебя! Использует нас! – голос мой сорвался, я не могла сдержать ярости. – Ему плевать на нашу команду! Ему нужно только одно – поставить меня на место! Унизить! Заставить танцевать под свою дудку! И вы все готовы плясать, лишь бы он на вас посмотрел!

– О боже, Лиза! – Катя закатила глаза с таким драматизмом, будто играла в мыльной опере. – Хватит уже везде видеть его козни! Может, он просто наконец увидел, какие мы крутые? Может, ему правда понравилось наше выступление? Ты всегда все усложняешь!

– Он не звонил тебе, чтобы сказать, какие мы крутые! – я уже почти кричала. – Он звонил, потому что я его заблокировала, и ему нужно было найти способ добраться до меня! И он нашел! Через вас! Он играет с вами, как кошка с мышками!

– А может, это ты с нами играешь? – вклинилась тихая Света. Все взгляды переключились на нее. – Ты наша капитан. Ты должна думать о нашей выгоде. О наших стипендиях. А ты думаешь только о своей войне с Дроновым. Может, тебе просто не нравится, что он обратился не к тебе?

Ее слова попали точно в цель. Была в этом какая-то горькая правда. Да, мне было неприятно, что он проигнорировал меня. Что сделал вид, будто мое мнение не имеет значения. Это было по моему самолюбию капитана.

– Это не война, – попыталась я взять себя в руки, но голос дрожал. – Это... принципы. Мы не будем участвовать в этом цирке. Я не позволю ему покупать нас.

– Он не покупает! Он предлагает работу! – настаивала Катя. – Платную! Почетную! Лиза, если мы откажемся, мы будем полными идиотками! Нас все осудят! Ректорат будет в ярости! Нас могут вообще лишиться финансирования за срыв такого контракта!

Она была права. Черт возьми, она была права. Это была не просто прихоть. Это был официальный запрос. Отказ мог иметь реальные последствия. Для всех.

Я посмотрела на их лица – на Катю, пылающую праведным гневом, на Свету, смотрящую на меня с упреком, на остальных, в глазах которых читалась жадность, мечта и страх все потерять. Я была в ловушке. В идеально расставленной ловушке. Он загнал меня в угол. Если я откажусь – я стану тираном, который губит будущее своей же команды из-за личной неприязни. Если я соглашусь – я проиграю. Я пойду у него на поводу. Окажусь на его территории, обязанная ему. Жестокая, блестящая игра. Я закрыла глаза, чувствуя, как подкашиваются ноги. Я ненавидела его в этот момент лютой, слепой ненавистью.

– Ладно, – выдохнула я, и в раздевалке повисло напряженное ожидание. – Ладно. Мы идем.

Раздался вздох облегчения, кто-то захлопал в ладоши.

– Но! – я перекрыла начинающийся гвалт. – Мы делаем это по-моему. Мы берем наш самый техничный, самый сложный номер. Тот, что мы готовили на региональные. Без всяких ужимок и подмигиваний публике. Мы едем туда не как украшение их вечеринки, а как профессионалы. Мы работаем, получаем свои деньги и письмо, и уезжаем. Никакого флирта, никакого общения с ними. Понятно?

Хор не очень уверенных «понятно» был мне ответом. Они уже видели себя в платьях и с коктейлями в руках после выступления.

– Катя, – я повернулась к ней. – Ты ведешь переговоры. Ты получила предложение – ты и общаешься с организаторами. По всем официальным каналам. Я не хочу ни слухом ни духом слышать о Дронове. Только договор и техническое задание. Ясно?

Катя кивнула, сияя. Она добилась своего. Она была связующей ниточкой с богом.

– Ясно! Я все улажу!

Я молча кивнула, собрала свои вещи и вышла из раздевалки. Мне нужно было побыть одной. Мне нужно было выть от бессилия.

Он победил. Он меня переиграл. Он использовал мою же команду, мою преданность ей, как оружие против меня. Я шла по пустому коридору, и в голове проносились картины пят-

ницы. Его торжествующая ухмылка. Его взгляд, полный собственнического удовлетворения. Он будет смотреть на меня, как на пойманную птицу, которая бьется о прутья клетки.

И самое ужасное – где-то в глубине души, под всей этой яростью и ненавистью, шевелилось что-то еще. Что-то опасное и запретное. Щемящее ожидание. Предвкушение того, что я увижу его не в спортивных штанах, а в дорогом костюме. Услышу его голос, обращенный ко мне не с насмешкой, а с... с чем? С чем он подойдет на этот раз? Я потрянула головой, пытаюсь отогнать эти предательские мысли.

Я дойду до конца. Я отработаю свой номер с идеальной, ледяной улыбкой. Я возьму их деньги. И я уйду, не оглянувшись, не дав ему ни единого шанса. Он думает, что я сломлена? Пусть думает. Война только началась. И я еще покажу ему, кто здесь королева.

Глава 6

Артем

Стеклянные стены моего кабинета в офисе отца отражали бездушный блеск ночного города. Передо мной лежали кипы бумаг – договоры, сметы, отчеты по благотворительному приему. Я должен был их изучить, сделать пометки, проявить «ответственность наследника». Но я не видел ни строчки.

Перед глазами стояло ее лицо. То, каким оно было сегодня утром, когда Катя, сияя, доложила мне по телефону о «согласии капитана». Я наблюдал за этим издали, из-за угла спортзала. Видел, как Лиза вышла из раздевалки – не побежденной, нет. Сгорбленной, да. Но с таким напряженным, яростным выражением на лице, будто она шла на эшафот, а не на вечеринку. Она поймала мою наживку. И теперь терзалась на крючке, зная, кто ее там держит.

Удовлетворение было сладким, почти сексуальным. Глубоким, томным, сродни тому, что чувствуешь после долгой, изматывающей победы на корте. Я откинулся в кресле, закинув ноги на полированный стол, и позволил себе улыбнуться. По-настоящему. Не той светской ухмылкой, что я надевал для камер.

Она была великолепна в своей ярости. Совершенна. Как дикая, загнанная лань, которая даже в страхе не теряет грации и готовности бороться до конца. Я представлял, как эта ярость будет пылать в ее глазах завтра, на приеме. Как она будет стараться не смотреть на меня, как будет держать спину прямо, как будет отстреливаться колкими фразами. А я буду рядом. Смотреть. Наслаждаться. И ждать своего часа.

Мой план был безупречен. Я не просто заманил ее в ловушку. Я создал для нее идеальную клетку. Блестящую, позолоченную, со всеми удобствами, но клетку. Она будет обязана быть рядом. Обязана терпеть мое присутствие. И с каждым ее взглядом, полным ненависти, с каждым ее сжатым кулаком, мое желание будет расти.

Я снова представил ее. Не в спортивном трико, а в платье. Каком? Наверное, простом. Черном. Без излишеств. Оно будет облегать ее стройную, мускулистую фигуру, подчеркивать линию бедер, открывать плечи. Я представил, как мои пальцы скользят по этой ткани, чувствуя под ней тепло ее кожи, напряжение каждой мышцы. Как я буду стоять сзади, якобы показывая ей что-то в программе вечера, и мои губы будут в сантиметре от ее шеи. Я буду дышать ее запахом – не парфюма, а ее, чистым, с легкой ноткой пота и чего-то острого, дерзкого. Адреналина и гнева.

Мое тело отозвалось на фантазию мгновенной, болезненной эрекцией. Черт. Она сводила меня с ума на расстоянии. Я мечтал сорвать с нее это платье. Не с нежностью, а с той же яростью, что пылала в ее глазах. Услышать, как рвется ткань. Прижать ее к стене, к столу, к любому доступному предмету в этом чертовом особняке. Заставить ее забыть обо всем – о ее принципах, о ее ненависти ко мне, о всей этой дурацкой войне. Заставить ее чувствовать только мое тело, мой вес, мое желание. Чтобы ее стоны смешались с моим дыханием, чтобы ее ногти впились мне в спину, чтобы ее ноги обвились вокруг моей талии...

Я с силой провел рукой по лицу, пытаясь прогнать наваждение. Не сейчас. Не здесь. Завтра. Все будет завтра.

Мой телефон вибрировал, прерывая сладостные грезы. София. Я вздохнул и принял вызов, натянув на лицо маску легкой усталости.

– Артем, ты где? Мы все ждем тебя на финальной примерке. Твой смокинг из Милана привезли. И папа хочет пробежаться с тобой по списку гостей.

Ее голос был сладкий, но до тошноты фальшивый.

– Уже еду, – буркнул я, глядя на темный экран своего заблокированного телефона, где висело ее последнее сообщение. – Задержался с отчетами.

– Не томи, – она сделала томную паузу. – Я соскучилась.

Я бросил трубку, даже не попрощавшись. «Соскучилась». Она соскучилась по моей фамилии, по моим связям, по тому, как выгодно мы смотрелись вместе в соцсетях.

Я встал и подошел к окну. Где-то там, в этом городе, она сейчас. Лиза. Возможно, так же смотрит в окно, ненавидя меня всей душой. Возможно, выбирает это черное платье. Я представил, как она стоит перед зеркалом, касается пальцами ткани на бедрах, и мне дико захотелось быть этими пальцами. Чувствовать подушечками упругость ее кожи, теплоту, исходящую от тела...

Снова. Я сжал кулаки. Нужно было взять себя в руки.

Я покинул офис и сел в лимузин. Город проплывал за окном, но я его не видел. Я репетировал в голове завтрашний вечер. Каждую деталь. Каждую фразу.

Она придет. Она будет пытаться быть невидимкой. Но я не позволю. Я буду рядом. Все время. Как ее личный «куратор» от фонда. Я буду представлять ее важным гостям – не как чирлидершу, а как «капитана команды колледжа, которая делает невероятную работу с молодежью». Я буду делать ей комплименты – не пошлые, а умные, тонкие, которые заставят ее смутиться и запутаться. Я буду смотреть на нее так, будто она единственная женщина в зале. Я выжму ее из зоны комфорта. Заставлю ее увидеть меня не как врага, а как мужчину. Сильного, влиятельного, способного быть щедрым и внимательным. Я покажу ей ту сторону своей жизни, которую она ненавидит, и заставлю ее почувствовать ее вкус. Вкус денег, власти, красоты. А потом... потом я заведу ее куда-нибудь в тихий угол зимнего сада или на пустую террасу. И там... там я сниму с нее всю эту защиту. Не силой. Нет. Словами. Взглядом. Признанием. Я скажу ей, что она свела меня с ума. Что все эти игры – от бессилия. Что я не могу перестать думать о ней. Что я хочу ее. Не как трофей. А как... равную.

И тогда я увижу ее настоящую. Не яростную фурию, не холодную командиршу. А женщину. Смущенную, растерянную, уязвимую. И в этот момент я прикоснусь к ней. Нежно. Проведу пальцем по ее щеке. И если она не оттолкнет меня... если в ее глазах будет не ненависть, а смятение... тогда я поцелую ее.

От мысли об этом поцелуе у меня перехватило дыхание. Он будет не таким, как я представлял раньше – жестким, завоевывающим. Он будет медленным, исследующим, бесконечно сладким. Я буду пить ее, как дорогое вино, чувствуя, как тает ее гнев, как отвечают моей страсти ее губы.

Лимузин остановился у особняка отца. Огни горели во всех окнах, у подъезда суежились люди, готовя все к завтрашнему вечеру. Я вышел из машины, поправил манжеты. Завтра здесь будет она. Моя дикарка. В моем мире.

Я вошел в дом, где меня ждали София, отец и вся моя предсказуемая, скучная жизнь. Но впервые за долгое время я не чувствовал себя в клетке. Потому что завтра я сам выпущу на волю своего зверя. И поймаю другого.

Глава 7

Лиза

Черное платье лежало на кровати, как обвинение. Простое, строгое, до колен, с длинными рукавами и глухим воротом. Оно было куплено два года назад на выпускной в школе, который я в итоге пропустила из-за травмы лодыжки. Оно пахло нафталином и поражением. Я ненавидела его. Ненавидела ту Лизу, которая его покупала – наивную, верящую в какую-то сказку про «самый важный вечер в жизни». Теперь этот вечер настал, и он был самым унижительным в моей жизни. Надевать его было все равно что облачаться в тюремную робу. Каждый шов, каждая складка ткани кричали о том, что я иду у него на поводу. Что он победил.

Внизу гудел голос мамы. Она была на седьмом небе от счастья.

–Лиза, дочка, ты представляешь? Прием Дроновых! Да я всем соседям уже рассказала! Мой ребенок будет выступать перед самой элитой города! Может, тебя заметят, предложат контракт?

Я зажмурилась, прислонившись лбом к холодному зеркалу. Ее восторг был последней каплей. Она не видела ловушки. Никто не видел. Все видели только блеск и возможность. А я одну лишь грязь и манипуляцию. Стоять рядом с Дроновым. Возможно, даже улыбаться. Меня от одной этой мысли тошнило.

Я с силой дернула молнию на платье. Оно село идеально, подчеркивая каждую линию тела – упругие бедра от постоянных приседаний, тонкую талию, крепкие плечи. Оно делало меня женщиной. А я не хотела быть женщиной. Я хотела быть спортсменкой. Капитаном. Тем, кого он не сможет купить.

В зеркале на меня смотрела незнакомка. Собранные в строгий пучок волосы, подведенные темные глаза, алые губы. В этом образе была уязвимость, которую я ненавидела. Он увидит ее. Он увидит эту куклу, которую можно нарядить и выставить на показ, и его самодовольная ухмылка станет еще шире.

Раздался гудок под окном. За нами приехал микроавтобус, заказанный организаторами. Мамины восторги достигли апогея. Я бросила последний взгляд в зеркало, поправила прядь волос и вышла из комнаты с ощущением, что иду на эшафот.

В автобусе царило предпраздничное возбуждение. Девчонки щебетали, примеряли друг на друга украшения, делали селфи. Пахло духами, лаком для волос и дешевым шипучим вином, которое кто-то припрятал. Они были счастливы. Они видели в этом приключение.

Катя сияла, как путеводная звезда. Это был ее час. Она болтала по телефону с организатором, кивая с важным видом и сыпля словами вроде «да, конечно, мы все предусмотрели» и «да, команда готова к выступлению». Она поймала мой взгляд и подмигнула.

–Не бойся, все будет огонь! Мы всех порвем!

Я хотела сказать ей, что я не боюсь выступления. Я боюсь того, что будет после. Боюсь его. Но я лишь молча кивнула и уткнулась в окно.

За стеклом проплывал ночной город. Блики фар расплывались в дожде, который снова начал накрапывать. Роскошные особняки сменились серыми спальными районами, а затем снова начали встречаться все чаще, становясь все больше и неприступнее. Мы приближались к его миру. Мои ладони вспотели. Я сжала их в кулаки, чувствуя, как под тонкой тканью платья выступают мурашки. Я повторяла про себя как мантру: «Я профессионал. Я пришла работать. Сделаю номер и уйду. Никаких взглядов. Никаких разговоров. Никакого Дронова».

Но мое тело помнило его взгляд. Тот тяжелый, изучающий взгляд в спортзале. Оно помнило его близость, его запах. И предательская дрожь пробежала по спине при одной мысли, что все это повторится сегодня. Только он будет не в майке, а в смокинге. И я не в спортивном трико, а в этом черном платье, которое вдруг стало казаться до неприличия откровенным.

Автобус свернул за массивный кованый забор и пополз по длинной, освещенной фонарями аллее. За окнами проплывали ухоженные газоны, фонтаны и скульптуры. Впереди возник особняк – огромный, светящийся, как корабль-призрак, с колоннами и высокими окнами, из которых лился свет и доносились приглушенные звуки оркестра. В горле встал ком. Это было не просто богато. Это было подавляюще. Это было зрелищное, кричаще.

Автобус остановился у бокового входа, предназначенного для персонала. Нас уже ждала суетливая женщина с планшетом.

– Команда чирлидеров? Проходите, проходите, раздевайтесь. У вас есть двадцать минут на подготовку, потом вас проводят в холл для выступления. Гардеробная для артистов вон там.

Мы прошли по бесконечным коридорам с гулким паркетным полом. Стены были увешаны картинами в тяжелых рамах, в нишах стояли древние вазы. От всего этого веяло таким холодным, бездушным величием, что хотелось надеть свитер поверх платья. Нашу небольшую толпу провели в комнату, больше похожую на будуар – с зеркалами в позолоченных рамах, бархатными банкетками и хрустальными люстрами.

– О боже, – прошептала одна из девчонок, глядя рукой обивку стула. – Я бы тут мечтала жить.

– Собирайтесь, – бросила я, снимая пальто. Мой голос прозвучал чужим и слишком резким в этой роскошной тишине. – Проверяем помпоны, разминаемся. У нас нет времени на восхищение интерьерами.

Девчонки засуетились, но их глаза по-прежнему бегали по комнате, ловя каждую деталь. Они уже чувствовали себя принцессами. А я – Золушкой, которую вот-вот разоблачат.

Я отошла к самому дальнему зеркалу и начала разминать шею, плечи, делая привычные, успокаивающие движения. В отражении я видела не только себя, но и всю эту позолоту, весь этот блеск, который казался мне фальшивым и враждебным. Вдруг дверь приоткрылась, и в комнату заглянул один из обслуживающего персонала.

– Мисс Соколова? – обратился он ко мне.

У меня екнуло сердце. «Он». Это он прислал за мной.

– Я, – сказала я, стараясь, чтобы голос не дрогнул.

– Вам цветы, – мужчина вошел и протянул мне огромный, идеальный букет из бордовых роз. Они были темными, почти черными, и пахли одуряюще сладко. К ним была прикреплена маленькая, плотная карточка.

В комнате повисло восхищенное аханье.

– Боже, Лиза, от кого это?

– Какие шикарные!

– Это наверняка он!

Я молча взяла букет. Шипы больно впились в пальцы. Мои руки дрожали. Я отвернулась к зеркалу, отщелкивая конверт.

На карточке, толстой, дорогой бумаги, было напечатано всего одно предложение. Узнаваемый, наглый почерк. От руки. «Удачи. Не порвите там ничего. Имею в виду, помпоны. А.В.».

Я сжала карточку так, что она смялась в моей ладони. Наглая, самоуверенная сволочь. Он издевался надо мной. Прислал цветы, как какой-нибудь поклонник, и тут же напоминал, кто здесь хозяин положения. Он наблюдал. Ждал. Играл. Я швырнула букет на бархатную банкетку, как бросила бы ему в лицо. Темные лепестки осыпались на пол.

– Готовьтесь, – сказала я команде, не оборачиваясь. – Нас сейчас поведут.

Мое сердце колотилось где-то в горле. Ярость пылала во мне, сжигая страх и неуверенность. Хорошо. Хорошо, Дронов. Ты хочешь игру? Ты ее получишь.

Я посмотрела на свое отражение – на сжатые губы, горящие глаза, на напряженную фигуру в черном платье. Я была готова. Не как украшение. Не как покорная жертва. Я была готовой к бою. И он пожалеет, что вообще позвал меня сюда.

Глава 8

Артем

Я стоял у массивных дубовых дверей бального зала, поправляя манжету смокинга, и наблюдал. Оркестр играл что-то плавное, томное, гости – сливки общества, одетые в бриллианты и удушающую скуку – лениво переговаривались, потягивая шампанское. Все было как всегда. Идеально, предсказуемо и мертво. А потом вошли они. Это было как удар током. Как поток ледяного воздуха в душной комнате. Двери распахнулись, и в зал впорхнула стайка девушек в ярких, блестящих костюмах, с помпонами в руках. Они выстроились в идеально ровную шеренгу, застыв в ожидании сигнала. И перед ними – она. Лиза.

В своем черном, строгом платье она выглядела инородным телом среди своей пестрой команды. Как командир партизанского отряда среди цирковых артистов. Она не улыбалась. Ее лицо было сосредоточенным, холодным, собранным. Она отдавала последние распоряжения, и девчонки ловили каждое ее слово, забыв о блестящем зале и важных гостях. Она была прекрасна. Не той дешевой, доступной красотой, что окружала меня обычно. А какой-то дикой, неукротимой, опасной красотой. Ее платье облегалo каждую линию ее тела, каждую упругую мышцу, и мне вдруг дико захотелось сорвать его с нее и увидеть, как эта сила и грация выглядят без прикрытия. Представить, как это тело движется не под музыку, а под мои прикосновения, как ее холодное выражение лица сменяется страстью.

Музыка смолкла. Настала тишина. Она обернулась к залу, и ее взгляд скользнул по рядам гостей – бесстрастный, профессиональный. Он прошелся и по мне. На долю секунды. И в нем не было ни страха, ни ненависти, ни восхищения. Было абсолютное, леденящее безразличие. Как будто я был частью интерьера. Неудачной картиной на стене. И это задело меня гораздо сильнее, чем любая ненависть.

Она кивнула оркестрантам. Раздались первые аккорды – энергичные, заводные. И она рванула. Это не было выступлением. Это было взрывом чистой, ничем не сдерживаемой энергии. Ее тело было не просто гибким – оно было оружием. Каждое движение – точным, выверенным, доведенным до абсолюта. Она не улыбалась зрителям. Она жила в этом танце, отдавая ему всего себя. Ее лицо было искажено не гримасой веселья, а мощным, почти животным усилием.

Я не мог оторвать глаз. Мое дыхание сбилось. Я забыл о гостях, об отце, о Софии, которая ядовито щипала меня за локоть, что-то говоря. Весь мир сузился до нее. До этого гибкого, сильного тела, до летящих в такт ног, до взметнувшихся в прыжке волос, выбившихся из строгой прически. Она парила в воздухе, поддерживаемая подругами, и на мгновение зависла в самой высокой точке, и мне показалось, что ее взгляд снова нашел меня. И в нем было не безразличие. Было вызов. Смотри, мол. Смотри, на что я способна. Ты купил мое выступление, но ты не купишь меня.

Адреналин ударил мне в голову. Кровь застучала в висках, горячая и густая. Я хотел ее в тот момент с такой силой, что это было почти больно. Не просто обладать. Не просто завоевать. Я

хотел быть там, на ее месте. Чувствовать эту энергию, это безумие, эту полную потерю контроля. Я хотел быть тем, кому она отдает всю свою страсть, всю свою ярость, всю свою неукротимую силу.

Танец закончился так же внезапно, как и начался. Последняя фигура. Идеальная стойка. Полная тишина на секунду, а затем – взрыв аплодисментов.

Она выпрямилась, тяжело дыша. Грудь вздымалась под тканью платья, на шее выступили капельки пота. Щеки горели румянцем. Она была живой. Настоящей. И самой прекрасной женщиной, которую я когда-либо видел. Она не кланялась. Просто кивнула залу, повернулась

к команде и жестом показала идти за кулисы. Она уходила с поля боя победительницей, не оглядываясь на поверженного врага.

Аплодисменты не стихали. Гости были в восторге. Рядом со мной отец что-то говорил о «хорошей рекламе для колледжа» и «оживлении вечера». София язвительно заметила: «Ну, хоть на что-то способны, кроме махания шариками».

Я не слышал их. Я видел только ее уходящую спину. И понимал, что все мои планы рухнули.

Я планировал доминировать. Планировал быть хозяином положения. Планировал ее унижить, поставить на место. А она... она просто пришла и всех уничтожила. Одним своим присутствием. Одним своим танцем. И вместо злости, вместо желания мстить, я почувствовал нечто другое. Нечто новое и пугающее. Уважение. И дикое, всепоглощающее желание не обладать ею. А заслужить ее. Заслужить право стоять рядом с этой силой. С этой страстью. Это было непривычно. Страшно.

– Простите, – бросил я через плечо отцу и Софии и пошел за ней. Я не знал, что буду говорить. Что буду делать. Но я не мог позволить ей просто уйти.

Я шел по коридору за кулисы, и мое сердце колотилось как у мальчишки. Я видел, как она заходила в ту самую гардеробную. Дверь была приоткрыта. Я подошел и заглянул внутрь. Девчонки обнимались, смеялись, вытирали пот. Они были на взводе, на пике эндорфинов. А она стояла чуть в стороне, прислонившись к стене, и пила воду из пластиковой бутылки. Ее руки слегка дрожали от напряжения. Она увидела меня первой. Ее глаза встретились с моими в дверном проеме. И снова – никакого страха. Только усталая настороженность. Как у волчицы, загнанной в угол, но не сломленной.

– Дронов, – произнесла она. – Пришел высказать свое восхищение? Или найти, к чему придраться?

Все девочки замолкли, застыв в неестественных позах. В комнате повисла напряженная тишина.

Я сделал шаг внутрь. Дверь закрылась за моей спиной с тихим щелчком. Я не сводил с нее глаз.

– Придраться, – сказал я, и мой голос прозвучал хрипло, чужим. – Не к чему. Это было... идеально.

Она скептически приподняла бровь, ожидая подвоха.

– Спасибо, – сухо бросила она и отвернулась, показывая, что разговор окончен.

Но я не уходил. Я не мог. Я смотрел, как капля пота скатилась по ее шее и скрылась в вырезе платья. Мое дыхание перехватило.

– Я серьезно, – сказал я, заставляя себя говорить, хотя слова давались с трудом. – Я никогда не видел ничего подобного. Это была не просто поддержка. Это было искусство.

Она медленно обернулась. В ее глазах читалось недоумение. Она ждала насмешки, колкости. А получила правду.

– Мы хорошо подготовились, – пожала она плечами, но ее защитная броня дала первую трещину.

– Не хорошо. Великолепно, – настаивал я. Я сделал еще шаг вперед. Девочки затаили дыхание. Мы стояли так близко, что я чувствовал исходящее от нее тепло, запах ее пота – не противный, а спортивный, здоровый, смешанный с чем-то цветочным от шампуня. – Ты была неподражаема.

Она смотрела на меня, и я видел, как в ее глазах идет борьба. Недоверие. Гнев. И любопытство. То самое, что я хотел разжечь.

– Спасибо, – повторила она уже тише, и в ее голосе впервые не было ледяных иголок.

В этот момент дверь распахнулась, и в комнату влетела Катя, сияющая.

–Девочки, вы не представляете! Нас все хвалят! Организаторы в восторге! Говорят, гонорар перечислят завтра же! И...

Она замолкла, увидев меня. Ее глаза округлились.

–Артем! Ты здесь! Спасибо тебе огромное за этот шанс! Мы никогда не забудем!

Она бросилась ко мне, но я мягко остановил ее, не отводя взгляда от Лизы.

–Это вам спасибо. Вы все были великолепны.

Я видел, как Лизу передернуло от этой фразы. Ее лицо снова стало каменным. Мой прорыв был уничтожен ее же замом.

– Мне пора, – резко сказала она, отодвигаясь от стены. – Переодеваемся и уезжаем. Автобус ждет.

Она повернулась ко мне спиной, демонстративно заканчивая разговор. Стена снова выросла между нами. Но теперь в ней была трещина. Крошечная, но была.

Я не стал настаивать. Я добился своего – я увидел ее растерянность. Я заставил ее услышать искренний комплимент от меня.

– До свидания, девушки, – кивнул я всем и вышел из гардеробной.

Я шел по коридору, и по телу разливалось странное, теплое чувство. Я не поцеловал ее. Не унизил. Но я видел ее настоящую. И это было лучше любой победы.

Глава 9

Лиза

Дверь гардеробной захлопнулась за его спиной. Наступила тишина, густая, оглушительная, нарушаемая только прерывистым дыханием и стуком моего сердца в ушах.

– Божечки, – выдохнула кто-то первая. – Он такой... другой вблизи.

– И смокинг на нем просто божественный...

– А как он на тебя смотрел, Лиза! Кажется, он от тебя без ума!

Их восхищенные шепоты будто долетали до меня сквозь толщу воды. Я стояла, прислонившись к прохладной стене, и пыталась отдышаться. Но не от танца. От него. От его слов. От его взгляда. «Это было искусство». «Ты была неподражаема». Эти слова жгли мне кожу, как раскаленные угли. Они были произнесены без привычной насмешки, без наезда. Тихо. С искренним... что? Восхищением? Уважением? Этого не могло быть. Это была часть игры. Новая, более изощренная тактика. Он понял, что наезды не работают, и сменил стратегию. Стал умнее. Опаснее. Но почему тогда мое предательское тело отозвалось на его слова дрожью? Почему в груди что-то екнуло и заныло, когда он смотрел на меня так, будто не видел никого вокруг?

– Лиза, ты в порядке? – Катя тронула меня за локоть, ее лицо сияло как тысяча солнц.

– Ты слышала? Все в восторге! Мы победили!

Я отдернула руку, как от огня.

– Мы отработали. Как договаривались. Теперь одеваемся и уезжаем, – сказала я повысив голос.

Эйфория в комнате немного поутихла. Девочки переглянулись, почуяв неладное.

– Но, Лиза... – начала Катя, но я ее перебила.

– Никаких «но». Мы не на экскурсии. Собрали вещи и через пять минут у автобуса.

Я отвернулась и стала с силой снимать с себя костюм. Ткань больно тянула кожу, но я почти не чувствовала боли. Руки дрожали. Перед глазами стояло его лицо. Не надменное и самодовольное, а задумчивое. Серьезное. Таким я его никогда не видела. Я представляла, как эти губы, обычно растянутые в насмешке, произносят эти слова. Как его карие глаза, обычно сверлящие меня презрением или похотью, смотрели на меня с неподдельным интересом.

Черт. Черт, черт, черт!

Я быстрыми движениями надела свои обычные джинсы и свитер. Они пахли домом, простотой, реальностью. Но ощущение его мира, этого душного, блестящего мира, все еще липло ко мне, как паутина.

Мы молча вышли к автобусу. Обратная дорога была полной противоположностью пути сюда. Девочки не пели и не смеялись. Они перешептывались, украдкой поглядывая на меня. Я испортила им праздник. Снова стала злой, несправедливой капитаном. Я уткнулась лбом в холодное стекло и закрыла глаза. Но за веками я снова видела его. Не того мажора-зазнайку, а того мужчину в смокинге, который смотрел на мой танец с таким... голодом.

Что это было? Еще одна маска? Игра на моем самолюбии? Или в тот момент он увидел во мне не чирлидершу, а что-то большее? Нет. Нельзя было даже допускать такие мысли. Это путь в никуда. Путь к боли и унижению.

Автобус довез нас до колледжа. Девчонки нехотя попрощались и разошлись по домам, унося с собой осколки праздника. Я осталась одна на пустой темной улице. Дождь давно кончился, оставив после себя холодную, промозглую сырость. Я засунула руки в карманы и побрела по направлению к дому. Мне не хотелось никуда торопиться. Мне нужно было прийти в себя. Остыть.

Тишину разорвал вибрация телефона в кармане. У меня екнуло сердце. Не он. Не может быть. Я же его заблокировала. Я вытащила телефон. Незнакомый номер. Но сообщение было от него. Он просто нашел другой способ. «Я знаю, что ты проигнорируешь это. И, наверное, права. Но я не могу не сказать. Сегодня вечером я увидел не чирлидершу. Я увидел художника. А его танец был шедевром. Спасибо. А.».

Я остановилась как вкопанная посреди тротуара. Свет фонаря падал на экран, делая слова какими-то нереальными. В горле пересохло. Он не требовал ответа. Не пытался шутить или подкалывать. Он оценил мое мастерство. Мою силу. И делал это так, что у меня перехватывало дыхание. Это была самая опасная вещь, которую он мог сделать.

Я медленно, почти машинально, пошла дальше. Телефон сжигал мне ладонь. Я должна была удалить сообщение. Заблокировать и этот номер. Стереть все это, как страшный сон. Но я не делала этого.

Когда пришла домой, мама уже спала. В квартире было тихо и темно. Я включила свет на кухне, налила стакан воды и села за стол. Телефон лежал передо мной, как обвинение. Я прочитала сообщение еще раз. И еще. Вчитываясь в каждое слово, пытаюсь найти подвох, скрытую насмешку. Но ее не было. Только... тихая, почти неуверенная искренность. Та, которую я увидела в его глазах в гардеробной.

Кто он на самом деле? Надменный мажор, играющий в свои игры? Или за этой маской скрывается кто-то другой? Тот, кто способен видеть и ценить нечто большее, чем деньги и статус? Нет. Это невозможно. Это иллюзия. Ловушка.

Я взяла телефон, чтобы наконец стереть сообщение. Но вместо этого мои пальцы сами вывели ответ. Короткий. Резкий. Защищающийся. «Ты что, совсем с катушек слетел, Дронов? Шедевр? Художник? Кончай нести чушь. Ты купил выступление. Ты получил то, за что заплатил. На этом все».

Я отправила и тут же пожалела. Теперь он знал, что я прочитала. Что он меня задел. Ответ пришел почти мгновенно. Будто он ждал. «Я увидел гораздо больше, чем рассчитывал. И это не имело цены».

Я зажмурилась. Он не отступал. Он был настойчив. И опасен. «Чего ты хочешь?». – отправила я, уже не в силах сдерживать раздражение, смешанное с проклятым любопытством. «Поговорить. Без помпонов. Без зрителей. Без масок». Сердце ушло в пятки. Поговорить. Самые простые и самые сложные слова. «Не о чем нам говорить».

«Ошибаешься. Думаю, нам есть что обсудить. Например, почему ты единственный человек в радиусе километра, который не смотрит на меня как на банкомат с ногами. И почему это меня так чертовски заводит».

Я выронила телефон на стол. Он перешел все границы. Он говорил то, о чем я сама боялась думать. О том притяжении, что висело между нами с первой встречи. О том, что это была не только ненависть. Это было что-то другое. Острое, колкое, электрическое. Я не должна была отвечать. Я должна была прекратить это сейчас же. Но я снова взяла телефон. Руки дрожали.

«Это заводит твое самолюбие. Тебе некому было бросить вызов».

«Не самолюбие».

«Тогда что?».

«Приходи завтра. В десять. В кофейню на углу. Узнаешь».

Он не стал ничего объяснять. Он просто бросил вызов. Снова. И я знала, что если я не приду, он будет считать себя победителем. А если приду... Если приду, то пересеку ту черту, отступать за которую будет уже нельзя.

Я не ответила. Выключила телефон, оставив его лежать на столе, как свидетельство моего слабования. Пошла в душ, надеясь, что горячая вода смоет все эти мысли, все эти чувства. Но они въелись под кожу. Его слова. Его взгляд. Его... признание.

Легла в кровать и уставилась в потолок. Завтра в десять. В кофейню на углу. Приду ли я? Я не знала. И впервые за долгое время я боялась не его. Я боялась себя. И того, на что я могу быть способна, если сделаю этот шаг.

Глава 10

Артем

Утро было стерильно-холодным, как отточенный клинок. Я стоял у окна своей спальни, сжимая в руке чашку с кофе, который уже успел остыть, так и не сделав ни глотка. За стеклом просыпался город, но мой взгляд был устремлен внутрь, в хаос собственных мыслей. Она не ответила на мое предложение. Ни да, ни нет. Молчание. Самая изощренная пытка, которую она могла для меня придумать.

Всю ночь я проворочался без сна, прокручивая в голове вчерашний вечер. Ее танец. Ее взгляд. Момент в гардеробной, когда броня на ее лице дала первую трещину. И эти чертовы сообщения, которые я отправлял, движимый каким-то непонятным, животным импульсом, а не холодным расчетом. Я нарушил все свои же правила. Вместо того чтобы сохранять дистанцию и доминировать, я раскрылся. Я показал ей свою уязвимость. Я признал ее силу. Я попросил о встрече, как какой-то несчастный влюбленный школяр. «Что ты хочешь?» – написала она.

Чего я хотел? Этот вопрос висел в воздухе с той самой первой перепалки в спортзале. Сначала я хотел победить. Усмирить. Сломать. Потом – обладать. Заставить ее хотеть меня так же сильно, как я хотел ее. А теперь? Теперь я не знал.

Я хотел разгадать ее. Понять, что скрывается за этой броней из колкостей и упрямства. Почему ее презрение жгло меня сильнее, чем любое восхищение других женщин. Почему ее молчание сводило с ума больше, чем самые откровенные признания. Я хотел услышать ее голос без злости. Увидеть ее улыбку, направленную не в насмешку, а ко мне.

Я с силой поставил чашку на подоконник. Кофе расплескался, оставляя темные пятна на светлом дереве. Я вел себя как идиот. Она играла со мной, как кошка с мышкой, а я поддавался на каждую ее уловку. Я представил ее сейчас. Спящую. Или уже проснувшуюся. Думаящую обо мне. Решающую, прийти или нет. Презирающую меня за мою слабость. Жаркая волна стыда и злости прокатилась по мне. Нет. Так не пойдет.

Я резко развернулся, схватил ключи от «Феррари» – не лимузина, сегодня мне нужна была скорость, ветер, контроль – и вылетел из дома. Мне нужно было двигаться. Действовать. Стереть ее образ из головы адреналином и скоростью.

Я мчался по почти пустым утренним улицам, вжимаясь в кожаное кресло, доводя обороты до красной зоны. Рев мотора заглушал голоса в моей голове. Голос отца: «Соберись, Артем. Неуместные сантименты. Дроны не унижаются». Голос Софии: «Дорогой, все обсуждают твои выходки с этой... спортсменкой. Это вредит репутации». Голос здравого смысла: «Она тебя использует. Играет. Остановись, пока не поздно».

Но был и другой голос. Тихий, настойчивый. Тот, что шептал о том, как она смотрела на меня после выступления. Не с ненавистью. С недоумением. С интересом. Как ее дыхание сбилось, когда я сказал ей о шедевре. Я резко свернул на набережную, затормозил и выскочил из машины. Холодный ветер с реки больно хлестнул по лицу, но был кстати. Он охлаждал пыл, прочищал мозги. Я смотрел на темную воду, на которую уже ложились первые блики восходящего солнца, и пытался взять себя в руки. Что я буду делать, если она придет? План. Мне нужен был план.

Я не буду давить. Не буду использовать свой статус, деньги, влияние. Это не работало. Я буду собой. Тем, кем был вчера вечером. Тем, кто способен видеть в ней личность, а не объект.

Мы будем говорить. О чем? О чем говорят нормальные люди? О музыке? О книгах? Я понятия не имел, что она любит, кроме чирлидинга и ненависти ко мне. Я знал о ней катастрофически мало. И это меня бесило и заводило одновременно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.